

**О клеветках, подлецах
и прочей сволочи:
К истории и реконструкции
одного пушкинского стихотворения**

Речь в этой заметке пойдет о стихотворении «О муза пламенной сатиры...», история создания которого вызывает много вопросов, а сам текст очевидно дефектен и не имеет ни одного достоверного источника. Интерес к литературным дразгам пушкинского времени, который, как мне кажется, не чужд не только мне, но и юбиляру, может в данном случае оказаться полезен для установления времени, обстоятельств создания и даже гипотетического текста пушкинского стихотворения. В Академическом собрании сочинений Пушкина текст выглядит следующим образом:

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!
Не подражателям холодным,
Не переводчикам голодным,
Не безответным рифмачам
Готовлю язвы эпиграм!
Мир вам, несчастные поэты,
10 <.....>
<.....>
Мир вам, журнальные клеветы,
Мир вам, смиренные глупцы!
А вы, ребята подлецы, –
Вперед! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда!
Но, если же кого забуду,
Прошу напомнить, господя!
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
20 О, сколько лбов широко-медных

Готовы от меня принять
Неизгладимую печать!¹

Пушкин никогда не делал попыток напечатать это свое произведение, не сохранилось ни его автографов, ни копий, подготовленных для собраний. Однако текст, по-видимому, мыслился автором как завершённый и на каком-то этапе так или иначе распространялся: он был известен П. П. Каверину, С. А. Соболевскому, Д. А. Эристову и, судя по всему, бытовал в копиях. Тем не менее выбор источника текста в данном случае весьма затруднителен, поскольку все известные на сегодняшний день копии стихотворения в той или иной мере дефектны. Текст, исходящий из ближайшего пушкинского круга, представлен в письме Соболевского к М. Н. Лонгинову от 1856–1857 г.² и сопровождается пояснением: «Эти стихи мы припомнили с Эристовым», то есть он записан по памяти через много лет после смерти Пушкина. Из прижизненных копий на сегодняшний день известны только две – и ни одной из них нельзя доверять, хотя именно по ним текст был опубликован в Академическом ПСС Пушкина³. Первая известная запись стихотворения была сделана в тетради Каверина и помечена 1 августа 1825 г. (по времени переписывания – общий принцип датирующих помет Каверина). Однако эта тетрадь не сохранилась, текст известен только в виде вариантов нескольких стихов, напечатанных Ю. Н. Щербачевым⁴, поэтому составить представление о том, как он выглядел в целом, невозможно. Еще менее авторитетна сохранившаяся вторая прижизненная копия, находящаяся в тетради грузинского царевича, кавказоведа и коллекционера Теймураза Багратиони (1782–1846), хранящейся ныне в Институте восточных рукописей РАН: личных отношений и пересечений круга общения между ним и Пушкиным не зафиксировано, поэтому запись стихотворения Теймуразом была, вероятнее всего, сделана либо через третьи руки, либо по памяти с источника неизвестной

¹ *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 2, кн. 1. С. 458. Далее это издание обозначается: Акад.

² *Беляев М. Д.* Соболевский о Пушкине (Из переписки С. А. Соболевского с М. Н. Лонгиновым) // Пушкин и его современники. – Л., 1927. Вып. 31–32. С. 43–44.

³ Текст «О муза пламенной сатиры...» напечатан здесь по копии Каверина с исправлениями по копии Теймураза.

⁴ *Щербачев Ю. Н.* Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. – М.: Изд-е Имп. об-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1912. С. 119–120.

достоверности. Поскольку Теймураз нетвердо владел русским языком, искажения текста возникали и на этапе копирования. Остальные копии достаточно поздние, относятся к 1850-м гг., ко времени собирания пушкинских произведений первыми исследователями и публикаторами, а не ко времени живого их бытования. Но и в этих, обычно довольно авторитетных собраниях (таких как тетради Н. А. Долгорукова и М. Н. Лонгинова – С. Д. Полторацкого) в данном случае не найти полностью удовлетворительного текста. В обеих тетрадях Долгорукова отсутствует стих шестой, в результате чего пятый стих остается незарифмованным. Стабильный текст дают полностью совпадающие между собой копии Лонгинова – Полторацкого (с опиской в одной букве), П. А. Александрова, П. Я. Дашкова, Н. С. Тихонравова и отличающаяся от них только окончанием одного слова публикация А. И. Герцена в «Полярной звезде»⁵. Этот текст кажется наиболее достоверным, однако во всех копиях стихотворение «О муза пламенной сатиры...» объединено с более ранним текстом «<Из письма к В. Л. Пушкину>» («Христос воскрес, питомец Феба!..»), что невозможно ни по смыслу, ни по времени написания и не согласуется с наиболее авторитетным источником послания к Василию Львовичу в «Первой записной книжке» П. А. Вяземского⁶, а также с ранними копиями стихотворения «О муза пламенной сатиры...» и свидетельством Соболевского. По всей видимости, в основе этих копий лежит какое-то более раннее собрание, где стихотворения соседствовали и при переписывании оказались объединены. Тем не менее этот текст можно считать относительно надежным и до какой-то степени опираться на него. Во всяком случае, получив письмо Соболевского с текстом стихотворения, Лонгинов не счел нужным вносить поправки в собственную копию, так что он, по-видимому, доверял своему источнику больше, чем памяти Соболевского.

Все эти пояснения были необходимы для того, чтобы понять, насколько шатко положение двенадцатого стиха, напечатанного в Академическом собрании сочинений на основании единственного источника – копии Теймураза. Этого стиха нет больше ни в одном списке, хотя его необходимость в стихотворении очевидна как с точки зрения стихосложения, так и по смыслу: стих 9 («Мир вам, несчастные поэты») единственный во всем стихотворении остался незарифмованным, а стих про «ребят-подлецов» явно предполагает

⁵ Полярная звезда на 1856 год. – Лондон, 1856. С. 24–25.

⁶ См.: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 20 т. – СПб.: Наука, 1999. Т. 1. С. 679.

некоторое уточнение, поясняющее, кто именно имеется в виду⁷. Все остальные категории возможных, но отвергнутых жертв «ювеналова бича» названы в стихотворении совершенно определенно («подражатели холодные», «переводчики голодные», «безответные рифмачи» – или «поэты модных дам» в других копиях), в то время как «подлецы» — лишь оценочная характеристика, не называющая адресата сатиры. По всей видимости, в списках, восходящих к близкому пушкинскому кругу, утрачен один стих, вероятно, находившийся либо после десятого (без учета пропуска), либо после одиннадцатого стиха. В Академическом собрании отсутствующая строка была восстановлена по копии Теймураза Багратиони, где она находится перед стихом десятым и читается: «Мир вам, журнальные клеветы». Однако опираться исключительно на авторитет Теймураза, вводя стих в корпус, представляется рискованным. Грузинский царевич, удаленный из Тифлиса и живший в Петербурге с 1811 г., как уже говорилось, не входил в пушкинский круг и, насколько известно, с ним не пересекался. Его записи (как эта, так и другие сделанные его рукой на русском языке) изобилуют грубыми ошибками. Так например, стих тринадцатый

⁷ Указание на пропуск еще двух стихов, сделанное в Академическом собрании, не находит подтверждения. В основе этого утверждения лежит гипотеза, впервые выдвинутая С. М. Бонди, о том, что стихотворение «О муза пламенной сатиры...» написано онегинской строфой и представляет собой ранний фрагмент романа в стихах (Бонди С. М. Три заметки о Пушкине // Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова (Пушкинист IV). – Пг.: ГИЗ, 1922. С. 47–49; Акад. Т. 2. С. 1177). Подробнее о возможном месте этих «полутора строф» в «Евгении Онегине» см.: Цявловская Т. Г. Муза пламенной сатиры // Пушкин на юге. – Кишинев: Штиинца, 1961. С. 164–165. Однако тот факт, что стихотворение, никак не привязанное к замыслу романа в стихах и не разделенное на строфы, имеет сходство с полутора онегинскими строфами без двух стихов в первой, не дает основания находить здесь онегинские строфы и вводить в связи с этим в текст обозначение пропущенных строк: свободное чередование перекрестных, охватных и смежных рифм в астрофических четырехстопных ямбах обычно для Пушкина, из этой практики и возникла в качестве одного из ее вариантов онегинская строфа. Более того, выдвигая свою гипотезу, Бонди еще не знал о существовании копии Теймураза и полагал, что утраченный стих, рифмующийся с «поэты», находился после стиха: «А вы, ребята подлецы», а за ним должны следовать два стиха заключительного двуступишия онегинской строфы, тогда как М. А. Цявловский, введя в текст Академического собрания сочинений стих по копии Теймураза, то есть после стиха девятого, изменил структуру гипотетической строфы и для сохранения ее поместил «отсутствующие» два стиха между стихом девятым («Мир вам, несчастные поэты») и следующим за ним вариантом Теймураза («Мир вам, журнальные клеветы»), тем самым либо разрушая анафорическую форму, либо распространяя ее на пять стихов подряд.

читается: «Я терзад казнию стыда». Вообще копия Теймураза, написанная грузинскими буквами на русском языке, представляет собой «заготовку» для перевода, выполненного тут же дважды, судя по всему, двумя разными переводчиками. Едва ли в подобной ситуации текст хоть как-то выверялся – роль записи была исключительно служебной. Неясно, каким образом к Теймуразу вообще мог попасть стих, отсутствующий во всех авторитетных копиях, однако есть все основания предполагать, что он был получен из недостоверного источника или записан неверно. Расположение анафорически построенных стихов «Мир вам, несчастные поэты! / Мир вам, журнальные клеветы! / Мир вам, смиренные глупцы!» уравнивает «несчастливых поэтов» с «журнальными клеветами» под общей характеристикой «смиренные глупцы». Между тем «журнальные клеветы» – это журналисты, *отвечающие* на литературные вызовы, брошенные кому-то из их «стана». Семантически они скорее противопоставлены «безответным рифмачам», огражденным от бича сатиры, и едва ли могут быть названы «смиренными». С другой стороны, выражение «журнальные клеветы», естественное для Пушкина и его круга, едва ли могло быть привнесено в текст самим Теймуразом (слово «клевет» он внес в словарь, размещенный под записью стихотворения среди сложных, требующих пояснения выражений), так что вероятность присутствия этого словосочетания в утраченной пушкинской строке довольно высока. Все это позволяет сделать осторожное предположение, что стих содержал противопоставление «журнальных клеветов» «несчастливым поэтам» и, таким образом, определял истинного адресата пушкинской сатиры. Если позволить себе пофантазировать, применив анафорическую структуру, характерную для всего стихотворения, то гипотетический текст будет звучать приблизительно так:

Мир вам, несчастные поэты!
Мир вам, смиренные глупцы!
А вы, журнальные клеветы,
А вы, ребята подлецы,
Вперед! всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда...

В пользу подобного предположения говорит практика употребления Пушкиным слова «сволочь»: за исключением исторических сочинений, оно везде относится у него именно к литературным недругам и их мелким приспешникам, то есть «журнальным клеветам»: «Ты, Дельвиг и я можем все трое плюнуть на сволочь нашей литературы»⁸; «Что наши литературные

⁸ Письмо к Л. С. Пушкину от 13 июня 1824 // Акад. Т. 13. С. 97.

паны и что сволочь?»⁹; «Кстати: зачем ты не хотел отвечать на письма Дельвига? он человек, достойный уважения во всех отношениях, и не чета нашей литературной С<анкт> П<етер> бургской сволочи»¹⁰ и др.

Если «журнальные клеветы» действительно на каком-то этапе присутствовали в пушкинском тексте (не исключено, к примеру, что Пушкин мог сам выкинуть эту строчку, оставив очевидный и очевидно для современников заполнявшийся пропуск), то они дают некоторый ориентир и в вопросе о датировке стихотворения. Время его создания достоверно определяется только датой переписывания текста Кавериним (1 августа 1825 г.), однако по содержанию и лексике весьма вероятно, что оно было связано с полемикой, возникшей после публикации предисловия Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану» («Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова»; цензурное разрешение от 10 декабря 1823; выход в свет 10 марта 1824), завершившегося фразой: «...пускай обвинители мои примут на себя труд перечитать все, что в некоторых из журналов наших было сказано и пересказано на счет романтических опытов – и вообще на счет нового поколения поэзии нашей: если из всего того выключить грубые личности и пошлые насмешки, то, без сомнения, каждый легко уверится, что мой собеседник под пару своим журнальным клеветам»¹¹. Кроме того, «Разговор...» содержал и выпад в сторону «холодных, рабских последователей», «стада подражателей» классических поэтов¹² – ср. у Пушкина: «Не подражателям холодным». В ответ М. А. Дмитриев опубликовал в «Вестнике Европы» «Второй разговор между Классиком и Издателем “Бахчисарайского фонтана”»¹³, на который уже Пушкин вынужден был возразить¹⁴. В том же номере «Вестника Европы» в разделе «Особая переписка»¹⁵ было на-

⁹ Письмо к Л. С. Пушкину от 1–10 ноября 1824 // Акад. Т. 13. С. 118.

¹⁰ Письмо к П. А. Вяземскому от 20-х чисел апреля 1825 // Акад. Т. 13. С. 166.

¹¹ Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. – СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр, 2001 (далее: П в критике I). С. 155; подробно об этой полемике и связи ее со стихотворением «О муза пламенной сатиры» см.: Цявловская Т. Г. Муза пламенной сатиры. С. 152–160.

¹² Цявловская Т. Г. Муза пламенной сатиры. С. 153.

¹³ Вестник Европы. 1824. Ч. 134, № 5 (выход в свет 27 марта). С. 47–62; П в критике I. С. 156–161.

¹⁴ Письмо к издателю «Сына отечества» // Сын отечества. 1824. Ч. 93, № 18. С. 181–182.

¹⁵ Вестник Европы. 1824. Ч. 93. № 18. С. 76–78.

печатано письмо в редакцию за подписью «Бывший журнальный клевет», направленное против Вяземского и спровоцированное главным образом его отзывом о поэтах «Вестника Европы». Автором письма был, вероятно, тот же Дмитриев, печатавший свои стихи в «Вестнике Европы». Вяземский на новые выпады ответил эпиграммой «Клевет, журнальный аноним...»¹⁶. Эпиграмма Вяземского содержала, в частности, стих «С бесстыдством страх стыда желая согласить», отзвук которого можно предположить в пушкинском «Всю вашу сволочь буду / Я мучить казнию стыда» и «О, сколько лиц бесстыдно-бледных». В последующей полемике Вяземский вновь неоднократно упоминал «журнальных клеветов»: «В оном “Разговоре” задраны слегка журнальные клеветы и некоторые прозаические поэты»¹⁷; «Этого не довольно: словесные *меньшие братья меньших братьев письменных, клеветы журнальных клеветов* говорят...»¹⁸ и т. д. Упоминания литературной «сволочи» также встречаются именно в письмах 1824 и начала 1825 г. (см. выше). К тому же времени отсылает и упоминание «лбов широко-медных»: выражение «медный лоб» получило широкое распространение в литературных кругах после появления басни А. Е. Измайлова «Лгун» («Павлушка медный лоб – приличное прозванье!...», 1823), направленной против П. П. Свинына¹⁹. Все это позволяет предположительно датировать стихотворение апрелем 1824 (полемика о предисловии к «Бахчсарайскому фонтану») – первой половиной 1825 г. (по времени копирования ее Кавериним: тем же днем в тетради Каверина помечена копия «Элегии на смерть Анны Львовны», датируемая апрелем 1825 г., что свидетельствует о возможности получения к 1 августа 1825 г. Кавериним стихов Пушкина, написанных в первые месяцы этого года). Более узкая датировка маем – октябрём 1824 г., предложенная Т. Г. Цявловской, едва ли может быть принята. Она основана на утверждении, что стихи написаны тогда, когда «эта полемика уже не вызывала у Пушкина эпиграмм и оставляла его равнодушным», и, с другой стороны, на том, что «в июне журнальная перепалка уже не волновала его»²⁰. Первое утверж-

¹⁶ См. об этом: П в критике I. С. 406–407.

¹⁷ Разбор «Второго разговора», напечатанного в № 5 «Вестника Европы» // Дамский журнал. 1824. Ч. 6. № 8. С. 63; П в критике I. С. 169.

¹⁸ Дамский журнал. 1824. Ч. 6. С. 64; П в критике I. С. 170.

¹⁹ Измайлов А. Е. Полное собрание сочинений: В 3 т. – М.: Изд-во «Русского книжного магазина», 1890. Т. 1. С. 180–183.

²⁰ Цявловская Т. Г. Муза пламенной сатиры. С. 159–160.

дение опирается только на стих «Мир вам, журнальные клеветы» из копии Теймураза, однако, как уже говорилось, это весьма ненадежная копия, и правильность воспроизведения в ней пушкинского стиха вызывает серьезные сомнения. С другой стороны, приведенные исследовательницей письма Пушкина к Вяземскому и к брату от июня 1824 г.²¹, говорят лишь о неприятии войны с «литературной сволочью» путем полемики, то есть оружием серьезным и уважительным, «на равных», с возможностью получить ответный удар и необходимостью на него реагировать. Эпиграмматическая же война как раз признается наиболее адекватным способом реакции на журнальные выпады (ср., напр., письмо к Вяземскому от 7 июня 1824: «Письма твои обрадовали меня по многим отношениям: кажется ты успокоился после своей эпиграммы. Давно бы так! Критики у нас, чувшей, не существует, палки как-то неприличны; о поединке и смех и грех было и думать: то ли дело цып-цып или цыц-цыц. Пришли мне эпиграмму Грибоедова. В твоей неточность: и *визг* такой; должно *ниск*. Впрочем она прелестна»²²). Сама же полемика остается, по-видимому, актуальной темой и для Пушкина и для Вяземского: в письме от 9 ноября Вяземский вновь обсуждает ее, явно отвечая на реплику Пушкина («В спор с Лже-Дмитриевым также не от тебя вступил, и во всем споре о тебе и помина не было. Да к тому же, теперь бояться нечего; я уж верно со сволочью этою в распрю не пойду; довольно и того, что раз брал я на хлебы их ничтожество и откормил их. Они раздулись моими пощечинами!»²³).

Вопрос об адресатах эпиграммы и времени ее создания может, как кажется, отчасти прояснить и другой пушкинский текст – стихотворение «Прятелям» («Враги мои, покамест я ни слова... / И, кажется, мой быстрый гнев угас...»). Оно прочитывается как продолжение темы «О муза пламенной сатиры...» – как ответ по прошествии некоторого времени на собственное до сих пор не выполненное («покамест я ни слова») обещание: «Всю вашу сволочь буду / Я мучить казнию стыда» и предупреждение адресатам, чтобы они не надеялись, что «быстрый гнев угас», а продолжали ждать удара «ювеналова бича» в любую минуту. Именно такое прочтение дает объяснение, о каком «быстром гневе» идет речь. Присланное Пушкиным Вяземскому в письме от 25 января 1825 г.²⁴ стихотворение «Прятелям» было напеча-

²¹ Акад. Т. 13. С. 96, 97.

²² Акад. Т. 13. С. 96.

²³ Акад. Т. 13. С. 118.

²⁴ Акад. Т. 13. С. 136.

тано в «Московском телеграфе»²⁵ под названием «Журнальным приятелям» (дано Вяземским). По этому поводу в «Северной пчеле» появилось исправление: «А. С. Пушкин просил издателей “Северной пчелы” известить публику, что стихи его сочинения, напечатанные в № 3 “Московского телеграфа”, на стр. 215, под заглавием “К журнальным приятелям”, должно читать просто: “К приятелям”»²⁶. Одновременно в письме от июля 1825 г. к Вяземскому, пенявшему ему на исправление «ошибки», опубликованное в недружественной «Северной пчеле», Пушкин указал на правомочность уточнения названия: «...ты не напрасно прибавил *журнальным*, а я недаром отозвался *et le diable n'y perd rien* <и дьявол ничего не теряет; *франц.*>»²⁷. Заглавие «К журнальным приятелям» практически тождественно обращению к «журнальным клеветам». По-видимому, Вяземский воспринял пушкинское стихотворение как отзвук собственной литературной драки, и возможность такого понимания была подтверждена Пушкиным, хотя и расширена. К этому подтверждению поэт тут же приложил новый выпад – эпиграмму «*Ех ungue leonem*»²⁸, вызванную ответом Измайлова в «Благонамеренном»²⁹ на публикацию «Приятелям». Тем самым, внешне отведя в «ошибке» эпиграмму от литературных врагов, Пушкин одновременно, во-первых, привлек этим исправлением внимание к слову «журнальным», а во-вторых, продолжил эпиграмматическую войну именно с журнальным противником.

Если предположение о связи «О муза пламенной сатиры» и «Приятелям» верно, то нижняя граница датировки первого смещается на январь 1825 г., когда появилось второе стихотворение, а его адресатами оказываются литературные враги Вяземского и самого Пушкина. Несколько странным в таком случае представляется отсутствие этого текста в бумагах Вяземского и письмах к нему Пушкина, однако по характеру сохранившихся копий можно предположить, что стихотворение при жизни Пушкина распространялось в основном изустно.

²⁵ Московский телеграф. 1825. Ч 1. № 3. С. 215.

²⁶ Северная пчела. 1825. № 52, от 30 апреля.

²⁷ Акад. Т. 13. С. 186. Французский фразеологизм обозначает сокрытие человеком своих истинных чувств (см.: Dictionnaire de l'Académie française. Paris: L'Institut de France, 1835. Том 1. P. 545).

²⁸ Акад. Т. 13. С. 186.

²⁹ Благонамеренный. 1825. № 19. С. 173.

Человек
пишущий

Человек
читающий

К 60-летию
профессора М. В. Строганова

Тверь
2012